

Россия и кризисные ситуации вокруг Ирака: история и современность

Подцероб А. Б.

Периодически возникавшие кризисы вокруг Ирака оказывали негативное воздействие на обстановку на Ближнем и Среднем Востоке, осложняли отношения нашей страны как с США и Западной Европой, так и с государствами региона и с самим Ираком. В ходе последнего из таких кризисов, возникшего в связи с вторжением в Ирак американских войск, российская дипломатия действовала достаточно умело, тщательно просчитывая свои шаги, не допуская как забегания вперед, так и отставания от развития ситуации. В результате удалось наладить отношения с новым иракским руководством и обеспечить экономические интересы России.

Интересы России непосредственно затрагивает ситуация вокруг Ирака. Периодически возникавшие, в большинстве случаев по вине Багдада, региональные и международные кризисы оказывали негативное воздействие на обстановку на Ближнем и Среднем Востоке. Они использовались Западом для наращивания своего военного присутствия в зоне Персидского залива, нередко осложняли отношения нашей страны как с Соединёнными Штатами и Западной Европой, так и с государствами этого субрегиона, а также и с самим Ираком.

Отношения между Москвой и Багдадом начали становиться тесными после свержения в Ираке в июле 1958 г. королевского режима и прихода к власти правительства Абд аль-Керима Касема. А уже в 1961 года Багдад выдвинул притязания на только что получивший независимость Кувейт и стянул войска к границам этого гмударства. Советский Союз в то время по существу солидаризировался с иракской позицией. В своём выступлении на созванном по требованию Эль-Кувейта заседании Совета Безопасности постоянный представитель СССР при ООН В.А.Зорин сделал акцент на том, что рассмотрение данного вопроса бессмысленно, поскольку на кувейтской территории нет иракских вооружённых сил, а, следовательно, нельзя говорить об агрессии Ирака¹. Советский Союз, используя право «вето», дважды блокировав приём Кувейта в ООН. Проводя подобную линию, Москва исходила из того, что территориальные притязания Багдада ведут к обострению

его отношений с поддерживавшей Кувейт Великобританией и тем самым толкают Ирак к дальнейшему сближению с СССР. В то же время, солидарность с Багдадом не выходила за рамки дипломатических демаршей, так как Москва стремилась избежать перерастания кризиса в чреватый непредсказуемыми последствиями вооружённый конфликт.

После свержения в феврале 1963 г. А.К. Касема и формирования нового иракского руководства во главе с президентом Абд ас-Салямом Арефом Багдад установил дипломатические отношения с Эль-Кувейтом, что привело к изменению позиции Москвы, в свою очередь признавшей Кувейт. Когда в марте 1973 г. вследствие захвата иракцами кувейтского пограничного поста ирако-кувейтские отношения вновь обострились, СССР воздержался от вмешательства в происходившие события, заняв де-факто нейтральную позицию. За нею скрывалось недовольство действиями Багдада, вносившего раскол в арабский мир в условиях, когда дело шло к новой войне с Израилем и было необходимо обеспечивать максимально возможное единство действий арабских государств.

Стревой было воспринято в Москве и нападение Ирака на Иран 22 сентября 1980 г., так как оно не только привело к возникновению в непосредственной близости от границ СССР крупного военного конфликта, но и в ещё большей степени обострило обстановку на Ближнем и Среднем Востоке. К тому же эти события давали Соединённым Штатам повод для существенного наращивание своего военного

Подцероб Алексей Борисович — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований ИВ РАН, Чрезвычайный и Полномочный Посол; e-mail: www.vestnik@mgimo.ru

присутствия в районе Персидского залива. В нарушение положений иракско-советского Договора о дружбе и сотрудничестве 1972 г., Багдад также не провёл предварительных консультаций с Москвой, которые предусматривались им для случаев, когда могли возникнуть угрозы безопасности одной из договаривающихся сторон. Учитывая, что война была развязана Ираком, Советский Союз прекратил поставки ему вооружения. Но когда иранцы перешли в контрнаступление и вторглись на иракскую территорию, продажа оружия была возобновлена. Москва не могла бросить иракцев на произвол судьбы, поскольку победа ИРИ, проводившей тогда политику экспорта «исламской революции», укрепила бы позиции фундаменталистов во всём регионе, что могло бы негативно сказаться на ситуации в Средней Азии, Азербайджане и на Северном Кавказе. Объём советских военных поставок Ираку составил в 1978–1982 гг. 1,8 млрд долл.²

Поддержали Багдад и США, которые были заинтересованы в разгроме исламистского Ирана, проводившего антиамериканскую политику. Продажа американского вооружения иракцам даже превысила советский экспорт военной техники, достигнув в 1978–1982 гг. 6,5 млрд. долл. Продолжали поставки вооружения Франция и другие западноевропейские страны (4,3 млрд. долл. в 1978–82 гг.)³. В поддержку Ирака выступили, наконец, арабские страны (за исключением Сирии и Ливии). Хотя война закончилась «вничью», Ирак, по оценке турецкого политолога И. Гиритли, спасла от поражения помощь, предоставленная Западом, СССР и арабскими странами Персидского залива, прежде всего Кувейтом⁴.

Естественно, что в сложившихся тогда условиях не могло быть и речи об осуждении Советом Безопасности развязавшего войну Ирака, а тем более о введении антииракских санкций. Дело ограничилось принятием в конце сентября 1980 г. «беззубой» резолюции, в которой СБ призвал стороны решить спор мирными средствами и поддержал предложение генерального секретаря ООН Х. Переса де Куэльяра об его добрых услугах, но при этом не потребовал отвода войск и обошёл вопрос о том, кто именно несёт ответственность за вооружённый конфликт.

Обстановку в зоне Залива ещё больше осложнила начавшаяся в 1984 г. «танкерная война», которая к весне 1987 г. приняла широкий размах. Сложившаяся ситуация вынудила Эль-Кувейт, чьи танкеры подвергались систематическим ударам иранцев, обратиться к Москве и Вашингтону с просьбой обеспечить их эскортирование. Советский Союз сдал тогда в аренду кувейтцам три своих танкера, проводку которых осуществляли советские корабли, а США приняли под свой флаг 11 кувейтских танкеров, которые конвоировались американцами. Всего же к концу 1987 г. в Персидском заливе оказалось сосредоточено около 50 кораблей государств, не принадлежавших к региону Персидского залива⁵. Следует отметить, что если

американские конвои периодически подвергались нападениям со стороны иранцев, то проводка советских судов проходила без вооружённых столкновений. По всей видимости, в Тегеране отдавали себе отчёт, что в создавшихся условиях для Ирана было бы безумием провоцировать могущественного северного соседа.

Советский Союз был с самого начала заинтересован в прекращении иракско-иранской войны. Однако условия для эффективного дипломатического вмешательства созрели лишь в конце 80-х годов, когда в Багдаде и в Тегеране начало пробивать себе дорогу понимание невозможности одержать победу при существовавшем соотношении сил. 9 января 1987 г. было обнародовано заявление Правительства СССР, в котором акцентировалась необходимость ликвидировать опасный очаг ирано-иракской конфронтации и выражалась готовность Москвы оказывать поддержку усилиям, в том числе в рамках Организации Объединённых Наций, в целях перевода конфликта в русло мирных решений⁶.

В июне 1987 г. была предпринята попытка разрядить обстановку в Персидском заливе. В ходе переговоров в Москве с Х. Пересом де Куэльяром Генеральный секретарь ЦК КПСС М.С. Горбачёв предложил, чтобы ООН инициировала переговоры об обеспечении безопасности в Персидском и Ормузском проливах. Советской стороной также была выдвинута идея о направлении в этот регион военно-морских сил ООН. Против этого выступил, однако, Вашингтон, усмотревший в советском предложении попытку ослабить влияние США на ближневосточный регион. Государственный секретарь Дж. Шульц откровенно заявил в этой связи: «Для Соединённых Штатов важно сохранить позиции в Персидском заливе, ибо мы не можем допустить, чтобы Советский Союз имел возможность перерезать поставки нефти в свободный мир»⁷.

Однако это не помешало общей ситуации складываться в пользу прекращения иракско-иранской войны. 20 июля 1987 г. Совет Безопасности ООН единогласно принял резолюцию 598, в которой потребовал от Ирака и Ирана прекратить военные действия и отвести войска к международно-признанным границам. После этого советская дипломатия, действуя на двусторонней основе, сыграла важную, если не решающую, роль в том, чтобы побудить Багдад и Тегеран выполнить требования СБ. 20 августа договоренность о прекращении огня вступила в силу. Остановка боевых действий между Ираком и Ираном стала значительным успехом ООН, продемонстрировав, насколько успешно может действовать Совет Безопасности, когда обе супердержавы выступают в нем единым фронтом.

Иная ситуация сложилась в августе 1990 г., когда Ирак оккупировал Кувейт. К этому времени режим Саддама Хусейна продолжал накапливать боевые отравляющие вещества, пытался наладить производство ядерного оружия, модифицировать, повысив дальность

их действия, советские ракеты «Скад», создал собственную оперативно-тактическую ракету повышенной дальности «Бадр-2000» и даже создал гаубицу, способную обстреливать Израиль. Действия Багдада не могли не вызвать в Вашингтоне опасения, что если не будут приняты решительные меры по пресечению агрессии, то следующий удар Ирак может нанести по Израилу, обеспечение безопасности которого всегда было основным приоритетом ближневосточной политики Соединённых Штатов.

С другой стороны, аннексировав Кувейт, Ирак стал контролировать 25% добываемой на Ближнем Востоке нефти, а её цена после иракской агрессии возросла вдвое — до 40 долл. за баррель⁸. Существовала к тому же угроза, что С.Хусейн пойдёт и на оккупацию Эль-Хасы, где находились основные месторождения нефти Саудовской Аравии⁹. С учётом всего этого в Вашингтоне приняли решение добиться вывода иракских войск из Кувейта, применив для этого, если потребуется, военную силу. За восстановление суверенитета Кувейта выступили и западноевропейские державы, направившие в Саудовскую Аравию, наряду с США, также и свои воинские контингенты. Что касается стран Ближнего Востока и Северной Африки, то их позиция не была однозначной: 9 государств и Организация Освобождения Палестины настаивали на урегулировании проблемы в арабских рамках, в то время как 12 стран осудили иракскую агрессию. Более того, в КСА были переброшены войска не только стран-членов Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива, но и Египта, Сирии, Марокко.

Советский Союз оказался тогда в сложном положении. С одной стороны, для него был крайне нежелателен разгром Ирака, с которым Москва продолжала поддерживать тесные связи. С другой — на карту были поставлены отношения с США и Западной Европой, налаживание взаимодействия с которыми стало в это время магистральным направлением советской внешней политики. Возврат к конфронтации с Западом был для СССР невозможен и в связи с лавинообразным нарастанием внутренних трудностей. Нельзя было также не считаться с неоднозначной позицией арабских стран, равно как и не учитывать, что режим С. Хусейна грубо нарушил международное право, впервые со времён второй мировой войны оккупировав и аннексировав суверенное государство. Следовало, наконец, принимать во внимание и то, что неизбежное поражение оснащённой советским оружием иракской армии посеяло бы в арабских странах серьёзные сомнения в его эффективности и негативно сказалось бы на перспективах военно-технического сотрудничества с ними.

В этой ситуации была избрана единственно возможная линия: подключившись к политическому давлению на Ирак и не противодействуя введению санкций в отношении этой страны, тем не менее дать С. Хусейну шанс самому уйти из Кувейта. В случае

если бы Ирак отказался использовать такую возможность, Москва была готова не возражать против военного решения проблемы¹⁰. Дело в том, что любая другая политика противопоставила бы СССР мировому сообществу и к тому же существенно ограничила его возможности оказывать влияние на ход событий не только в ходе самого кризиса, но и после него. У проводившегося Москвою курса была и ещё одна цель — создавать условия для того, чтобы после преодоления кувейтского кризиса перейти к урегулированию других конфликтов, в первую очередь арабо-израильского.

Избранный Москвою подход отвечал и интересам США и Запада в целом. Он открывал для них возможность не ввязываться в чреватую серьёзными потерями войну на Ближнем Востоке. Равным образом курс СССР в отношении событий в этом регионе не противоречил интересам стран Ближнего Востока и Северной Африки, отнюдь не заинтересованных в разгроме «братского арабского государства».

2 августа 1990 г., то есть в день вторжения иракцев в Кувейт, Советское правительство резко осудило действия Багдада, потребовало незамедлительно вывести войска с захваченной территории¹¹. 3 августа было обнародовано совместное заявление министра иностранных дел СССР Э. А. Шеварнадзе и государственного секретаря США Дж. Бейкера, в котором подчёркивалось, что «мировое сообщество должно не только осудить эту акцию, но в ответ на неё предпринять практические шаги»¹². В этот же день было объявлено о прекращении Советским Союзом поставок вооружения Ираку¹³. Вместе с тем советская сторона не теряла надежду на возможность выхода на политическое решение. 10 августа 1990 г. было опубликовано Заявление МИД СССР, в котором подчёркивалось: «Мы твёрдо и ясно выступаем за то, чтобы как можно скорее погасить разгорающийся пожар, восстановить положение, существовавшее до 2 августа, вывести стороны на политический диалог с целью мирного улаживания спорных вопросов»¹⁴.

В принятом по итогам встречи президентов на встрече 9 сентября 1990 г. в Хельсинки (Финляндия) М.С. Горбачёва и Дж. Буша при обсуждении необходимости добиться отвода иракской армии из Кувейта все ещё доминирует поиск политического решения проблемы, но уже используется и формула «всеми возможными способами»¹⁵. Советская дипломатия не оставляла попыток нащупать приемлемые для Багдада варианты разрешения международного кризиса. Выступая на пресс-конференции в Финляндии 9 сентября, М.С. Горбачёв высказался в пользу замены в регионе Персидского залива «на каком-то этапе» американских войск межарабскими силами¹⁶. Но и это не вызвало никакой эволюции в позиции Ирака.

В этой ситуации у Советского Союза не осталось иного выхода, кроме как ужесточить свою позицию. В конце сентября 1990 г. министр иностранных дел СССР Э.А. Шеварнадзе вполне определённо заявил в

Генассамблее ООН: Москва может поддержать, при определенных обстоятельствах, вариант силового восстановления кувейтской государственности. 15 ноября уже М. С. Горбачёв предупреждает руководство Ирака о том, что только немедленный и безоговорочный уход из Кувейта позволит Багдаду избежать войны¹⁷.

Такая линия не была, однако, последовательной. 29 октября 1990 г. М. С. Горбачёв, выступая в Париже, неожиданно заявил, что военный метод решения не является приемлемым и призвал арабские страны выступить с инициативой политического урегулирования. Хотя это предложение было отклонено президентами Хосни Мубараком (Египет) и Хафезом Асадом (Сирия), Э. А. Шеварнадзе вновь заявил 8 ноября о недопустимости использования силы¹⁸. Чем объяснялся подобный политический «зигзаг» осталось не совсем ясным и по сей день. Сам М. С. Горбачёв позже утверждал, что пошёл, де, на такой шаг под влиянием доклада вернувшегося из Багдада члена Президентского совета СССР Е. М. Примакова, сообщившего о наметившихся подвижках в позициях С. Хусейна.

В свою очередь Е. М. Примаков в мемуарах отмечает, что это заявление стало платой за согласие С. Хусейна на эвакуацию из Ирака 5 тыс. советских специалистов¹⁹, и в таком случае оно представляется полностью обоснованным. По оценке же И. Гиритли, советский руководитель, получивший Нобелевскую премию мира, стал мечтать также и о «лаврах миротворца в Заливе»²⁰. Египетский политолог Ибрагим Нафия полагает, что, как считали в Москве, следует пойти на некоторые уступки Багдаду, чтобы открыть ему путь к выходу из кризиса. И советский «зигзаг» реализовывался несмотря на то, что никаких гарантий изменения в таком случае позиции Ирака не существовало²¹. Не исключено, наконец, что соответствующее решение было принято советским президентом под воздействием всех этих соображений, вместе взятых. Как бы там ни было, но выступления М. С. Горбачёва и Э. А. Шеварнадзе породили у иракского руководства иллюзию возможности изменения позиции самой Москвы²².

Пытаясь добиться политического урегулирования кризиса, СССР тесно взаимодействовал на данном направлении с арабскими странами, и, прежде всего, с ведущей страной региона — Египтом. В ходе переговоров в Каире Е. М. Примаков поддержал предложенную египтянами схему, в соответствии с которой предполагалось заменить иракские войска в Кувейте межарабскими силами, восстановить международную законность и начать под арабской эгидой кувейтско-иракские переговоры для решения существующих проблем политических путём. Советская сторона обещала довести эту схему до сведения С. Хусейна и постараться содействовать её реализации²³.

В конечном счёте, советской дипломатии удалось выиграть время, чтобы дать шанс С. Хусейну

изыскать возможность уйти из Кувейта «без потери лица» (большого сделать было невозможно, да и не следовало). Действительно, лишь 29 ноября 1990 г. была принята резолюция Совета Безопасности № 678, разрешавшая использовать для освобождения Кувейта «все необходимые средства». Но и в ней, по настоянию советской стороны, была установлена «пауза доброй воли» до 15 января 1991 г., когда резолюция вступала в силу²⁴. В ноябре Москвой была предпринята последняя попытка переломить развитие ситуации. В ноябре 1990 г. заместители министра иностранных дел СССР выехали А. М. Белоногов — в Северный Йемен, Египет, Саудовскую Аравию и Сирию, а В. Ф. Петровский — в страны Магриба с тем, чтобы прозондировать возможность активизации «арабского фактора»²⁵.

В середине декабря в Амман вылетел член Коллегии МИД, главный редактор журнала «Международная жизнь» Б. Д. Пядышев с задачей попытаться воздействовать на иракское руководство через иорданцев²⁶. Не принесли результатов состоявшаяся накануне саммита в Хельсинки беседа М. С. Горбачёва с министром иностранных дел Ирака Тариком Азизом, в ходе которой советский руководитель настаивал на поиске путей политического выхода из кризиса, а также беседы с неоднократно посещавшим Москву заместителем премьер-министра Саадуном Хаммади²⁷. Не увенчалась успехом и миссия Е. М. Примакова, трижды побывавшего в Багдаде: хотя он смог получить в октябре и ноябре от С. Хусейна заверения в готовности вывести войска, никаких практических шагов иракцами предпринято не было²⁸. При этом в ходе контактов с советскими представителями иракские руководители выдвигали контрпредложения, ставили свои условия. В конечном итоге Багдад предоставленной ему последней отсрочкой так и не воспользовался.

Линия Ирака во многом объяснялась серьёзными минусами, которые характерны для процесса принятия решений диктаторскими режимами, когда глава государства основывает свои выводы на докладах, содержащих информацию не о том, что происходит в действительности, а о том, что ему было бы приятно услышать. В результате у С. Хусейна сложилось убеждение, что время работает на него. Он считал, что Дж. Буш не отважится на войну, поскольку против этого якобы выступают и Конгресс, и американская общественность, а дислоцированные в Саудовской Аравии войска требуют, де, их возвращения в США. Если же Вашингтон всё же решится начать боевые действия, они быстро закончатся, так как американский народ не способен мириться с потерями своих военнослужащих, а возглавляемая Соединёнными Штатами коалиция тут же развалится из-за разногласий между её участниками. Не исключено также, что, по мнению С. Хусейна, для него было в самом крайнем случае не так рискованно проиграть войну, как пойти на уступки, которые могли бы быть восприняты внутри страны как признак слабости.

Немалую роль сыграло и непонимание С. Хусейном новой ситуации в мире, ставшей следствием разрядки в отношениях между супердержавами. «Иракский президент, — отмечает И. Нафия, — полагал, что он сможет, прибегая к «тактике последовательных шагов», внести раскол в сформировавшийся против него международный фронт». По мнению этого автора, взгляды Саддама Хусейна на природу международного порядка были схожи с представлениями 60-х годов XX века. Нафия пишет, что иногда казалось, что иракский лидер не сознавал характера тех изменений, которые неожиданно произошли в советско-американских отношениях, что изменило соотношение сил в мире²⁹.

Как отмечал египетский обозреватель, все это порождало в Багдаде ещё одну иллюзию, что США согласятся с аннексией Кувейта, если Ирак полностью перейдёт на их сторону и станет защитником американских интересов, то есть если Багдад повторит трюк, сделанный в 70-е гг. Каиром. По оценке И. Нафия, данный просчёт представлял собою самую серьёзную из всех совершённых С. Хусейном ошибок³⁰. В результате пять с половиной месяцев беспрецедентной дипломатической активности и политических усилий завершились безрезультатно. В ночь с 16 на 17 января 1991 г. началась операция «Буря в пустыне» с целью освобождения Кувейта. Через три дня после её перехода в наземную фазу иракские войска, находившиеся в Кувейте и поблизости от его границ, были разгромлены. 27 февраля после того как Багдад заявил о своей готовности вывести войска и выполнить все остальные требования Совета Безопасности, огонь был прекращён³¹.

Во время воздушной фазы боевых действий СССР продолжил попытки убедить С. Хусейна в том, что его положение безнадежно и у него нет иного выхода, кроме как согласиться с резолюциями СБ ООН³². Эта работа велась через Советское посольство в Багдаде, которое не прекратило своей деятельности, несмотря на бомбёжки авиации антииракской коалиции. Как отметил министр иностранных дел А. А. Бессмертных в выступлении на заседании Верховного Совета СССР, «наши товарищи во главе с послом В. В. Посувалюком проявляют самое высокое чувство долга, силу духа, личное мужество. Без их вклада наша политико-дипломатическая активность в связи с нынешним конфликтом в Персидском заливе была бы сопряжена с определёнными трудностями»³³.

В феврале 1991 г. усилия советской дипломатии были сосредоточены на том, чтобы предотвратить наземную фазу операции. Неудача попыток Москвы была обусловлена, с одной стороны, негибкостью позиции Багдада, а затем его запоздалой реакцией на развитие обстановки, а с другой — стремлением американцев довершить разгром иракской армии и тем самым показать всем, кто теперь «в мире хозяин». Характерна в данном контексте судьба выдвинутого

советской стороной 22 февраля плана прекращения огня, который, среди прочего, предусматривал полный и безоговорочный вывоз иракских войск из Кувейта и снятие экономических санкций с Ирака³⁴.

Находившийся в Москве заместитель премьер-министра Ирака Т. Азиз заявил 23 февраля 1991 г. о готовности армии его страны уйти из Кувейта и согласии с другими требованиями советского плана. Однако в Вашингтоне это заявление посчитали недостаточным, и 24 февраля сухопутные войска коалиции перешли в наступление³⁵. Советская дипломатия в этих условиях сосредоточилась на контроле соблюдения коалиционными силами резолюций СБ ООН. В частности, во время переговоров с Дж. Бейкером 26 января 1991 г. А. А. Бессмертных привлёк его внимание к тому, что «вооружённые силы коалиции зашли дальше, чем было предусмотрено резолюцией 678»³⁶. Позиция Москвы стала одним из факторов, побудивших Вашингтон не развёртывать наступление на Багдад после того, как Ирак согласился 27 февраля 1991 г. выполнить резолюции СБ³⁷.

2 марта Совет Безопасности принял резолюцию 686, в которой американцы согласились зафиксировать намерение «как можно скорее прекратить своё военное присутствие в Ираке», хотя и с оговоркой, что это будет сделано по мере осуществления Багдадом требований резолюции 678. 3 апреля СБ одобрил резолюцию 687, которая была призвана стать основополагающим документом для посткризисного урегулирования. В соответствии с её установлениями, Ирак должен был взять на себя обязательство не разрабатывать, не создавать и не приобретать оружие массового уничтожения и оперативно-тактические ракеты, согласиться на уничтожение, изъятие или обезвреживание таких средств под контролем Специальной комиссии ООН. Вместе с тем в проект резолюции не удалось включить чёткие положения об условиях и механизмах снятия санкций, что в дальнейшем создало дополнительные сложности для урегулирования ситуации вокруг Ирака.

«Как до войны, так и после неё, — делает вывод И. Нафия, — ответы Ирака на советские усилия не были позитивными, он не реагировал на эти усилия до войны, а после войны его ответы были неудовлетворительными. Бесспорно, что в своих мирных усилиях Советский Союз, как и все остальные стороны, исходил из своих интересов, но, несомненно и то, что Советский Союз прилагал усилия, чтобы не допустить кровопролития и сохранить мир в регионе»³⁸.

У кувейтского кризиса было ещё одно изменение: его разрешение продемонстрировало, что начала складываться новая система международных отношений, основанная на взаимодействии двух супердержав, и что эта система выдержала испытание на прочность. Возникла возможность создания более справедливого и более стабильного мирового порядка, опирающегося на кооперационную биполярность. К сожалению, последовавший

в конце 1991 г. распад СССР не позволил этой возможности реализоваться.

Что касается линии России, делавшей вплоть до середины 90-х годов ставку почти исключительно на партнёрство с Западом, то в отношении Ирака она стала во многом следовать в фарватере американской политики. Москва, в частности, солидаризировалась с Вашингтоном, когда американцы нанесли ракетный удар по этой стране под тем предлогом, что иракские спецслужбы якобы организовали покушение на экс-президента Дж. Буша — старшего во время его визита в Эль-Кувейт. Министр иностранных дел РФ А. В. Козырев тогда поддержал их акцию, заявив, что США действовали в соответствии со ст. 51 Устава ООН, предусматривающей право на самооборону³⁹. Тем не менее, Россия всё же пыталась содействовать нормализации обстановки. В немалой степени благодаря её усилиям Багдад пошёл на официальное признание суверенитета и независимости Кувейта в границах, определённых ирако-кувейтским соглашением от 4 октября 1963 г.

Во второй половине 90-х годов Россия начала дистанцироваться от линии США, а в начале нынешнего столетия, с выходом РФ из экономического кризиса и стабилизацией внутривнутриполитической обстановки, у неё появилась возможность играть в зоне Персидского залива самостоятельную роль. В октябре 1997 г. Россия вместе с Францией воздержалась при голосовании в СБ резолюции 1134, угрожавшей Багдаду введением дополнительных санкций в случае, если он будет препятствовать работе Спецкомиссии. Более того, российской стороне удалось тогда урегулировать кризис. В начале 1998 г., а затем в октябре-ноябре того же года РФ вместе с Францией и Китаем вновь предотвратила применение Соединёнными Штатами силы против Ирака. В каждом из этих случаев Москвой был задействован весь арсенал дипломатических средств⁴⁰.

Несмотря на то что кризис был урегулирован, в декабре 1998 г. американская и английская авиация без видимых причин подвергли бомбардировке иракскую территорию. Попытки Москвы не допустить проведения операции, а затем добиться её свёртывания, на этот раз успехом не увенчались. Не помогли, в том числе, и телефонные разговоры Е. М. Примакова с вице-президентом США А. Гором и И. С. Иванова с М. Олбрайт. Россия жёстко отреагировала на происшедшее:

- послы РФ в Вашингтоне и Лондоне были отозваны в Москву для консультаций;
 - российские представители не поехали на заседание Совета постоянного сотрудничества Россия - НАТО;
 - Государственная дума отложила запланированную на 25 декабря ратификацию Договора между СССР и США об ограничении стратегических наступательных вооружений — ОСВ-2.
- Относительно причин принятия Вашингтоном

решения об ударе по Ираку в российской мемуарной и научной литературе высказываются различные точки зрения. По мнению автора, такой шаг был, в первую очередь, обусловлен стремлением Б. Клинтона укрепить внутри страны свой авторитет, пошатнувшийся в связи с «делом М. Левински». В дипломатическом корпусе в Москве американскую операцию, носившую кодовое название «Лисица в пустыне», именовали не иначе как «Моника в пустыне».

В целом же, таким образом, российская дипломатия, действуя в крайне непростых условиях, смогла на шесть лет оттянуть вторжение американцев в Ирак. Усилия Москвы в немалой степени способствовали и тому, что СБ, несмотря на давление американцев, регулярно продлевал гуманитарную программу «Нефть в обмен на продовольствие». С другой стороны, проводилась целенаправленная работа с иракской стороной, которую побуждали к занятию реалистичной позиции и поиску взаимоприемлемых компромиссов с США. Однако С. Хусейн и в данном случае не сумел воспользоваться предоставленной ему отсрочкой и найти выход из создавшейся ситуации⁴¹.

В 2003 г. Россия совместно с Францией и Германией пыталась убедить США не вторгаться в Ирак. Они обращали внимание американцев на то, что иракские оружие массового поражения и ракеты уничтожены под контролем Спецкомиссии и что Соединённые Штаты не вправе развязывать войну без санкции СБ. Предупреждали американцев и о том, что они завязнут в Ираке на годы. Однако США, ставшие единственной супердержавой и упоённые собственным могуществом, этим советам не вняли. В результате ОМУ в Ираке так и не было обнаружено, а американской армии пришлось вести длительную войну против иракского сопротивления и боевиков «Аль-Каиды».

«Ирак, — констатировали тогда официальные российские представители, — превращается в очаг международного терроризма, в то время как до войны на территории Ирака не было террористов, и иракцы не поддерживали контактов с международными террористическими организациями; главная причина нынешнего кризиса — односторонние действия Соединённых Штатов, Британии и некоторых других государств, которые вторглись в Ирак без санкции Совета Безопасности, а, возможно, и без правильной оценки ситуации в Ираке»⁴². И все же, несмотря на все возникшие осложнения, американцам удалось:

- привести к власти ориентирующийся на Вашингтон режим;
- снять потенциальную угрозу со стороны Ирака Израилю;
- обеспечить себе привилегированные позиции в иракской нефтедобыче и нефтяной отрасли в целом.

Оккупация Ирака существенно ограничила возможности России оказывать воздействие на развитие ситуации в этой стране. Это не означало, однако, что Москва самоустранилась от происходившего и не

пыталась содействовать поиску путей урегулирования проблемы. В основу российского подхода были положены два основных принципа:

- достижение в Ираке национального согласия и налаживание в этих целях внутрииракского диалога с участием всех сил, отвергающих терроризм как метод решения политических проблем;
- определение чётких временных рамок присутствия в Ираке многонациональных сил⁴³. «Выработка графика вывода многонациональных сил из Ирака, — подчеркнул в своём выступлении на заседании Совета Безопасности в июне 2008 г. постоянный представитель Российской Федерации при ООН В. И. Чуркин, — не только позволила бы снизить напряжённость в стране. Она стала бы важным стимулом к активизации усилий по достижению национального примирения и согласия»⁴⁴.

Одновременно российская сторона выступала за подключение к поискам путей решения иракских проблем международного сообщества. Вскоре после оккупации Ирака она выдвинула предложение о проведении встречи представителей региональных и внерегиональных стран, включая соседей Ирака и государства - члены Совета Безопасности, с представителями основных иракских политических группировок⁴⁵. Вашингтон, стремившийся единолично вершить иракские дела, отнёсся к этому предложению весьма настороженно. В мае 2007 г. международная встреча была всё же созвана в Шарм аш-Шейхе, однако в центре её внимания оказались вопросы не политического урегулирования, а международных усилий по восстановлению Ирака. Россия продолжала, тем не менее, настаивать на вовлечении в иракские дела соседних с этой страной государств, без чего, как отметил, выступая 19 июня 2009 г. в СБ В. И. Чуркин, «добиться возрождения и стабильности Ирака будет необычайно сложно». Целесообразность продвижения данного тезиса в условиях, когда ситуация изменилась и в Ираке начал набирать обороты процесс политической стабилизации, представляется небесспорной. В последующем, впрочем, Москва перестала акцентировать эту идею.

Российская сторона оказала дипломатическую поддержку Багдаду в связи с проходившими в 2008 г. иракско-американскими переговорами о статусе американских войск. Министр иностранных дел РФ С. В. Лавров резко осудил тогда попытки Вашингтона «выкручивать иракскому руководству руки, чтобы заставить его подписать такое соглашение, которое, по сути, игнорировало бы законные требования Ирака обеспечить юрисдикцию над иностранными войсками, находящимися в стране»⁴⁶.

Иракцам, в конце концов, удалось добиться такого соглашения, которое отвечало, пусть и не в полной мере, их интересам. В Москве на это отреагировали позитивно. Президент России Д. А. Медведев

и председатель Правительства Российской Федерации В. В. Путин отметили в ходе переговоров с премьер-министром Ирака Нури аль-Малики в Москве в апреле 2009 г. важность заключения указанного соглашения. Российские руководители отметили, что указанное соглашение предусматривало вывод в перспективе иностранных войск и одновременно создавало возможность перехода к Багдаду контроля над собственной безопасностью⁴⁷.

В Москве сначала довольно сдержанно реагировали на усилия американцев создать в Ираке новую политическую систему, выжидая прояснения обстановки. Вместе с тем, по мере формирования жизнеспособных органов государственной власти и снижения уровня насилия позиция России становилась более определённой. Российская сторона должным образом оценила:

- наращивание потенциала иракских силовых структур;
- проведение парламентских выборов;
- формирование победившими политическими силами нового правительства страны;
- заключение Ираком соглашения с США об основах взаимоотношений⁴⁸.

В Москве позитивно отреагировали на проведение в Ираке в марте 2010 г. парламентских выборов. Официальный представитель МИД РФ А. А. Нестеренко с удовлетворением констатировал, что в них «впервые после американского вторжения в Ирак приняли участие представители всех политических сил и этноконфессиональных общин страны. Это даёт возможность, считает российский дипломат, — продолжить реальный политический процесс, столь необходимый для достижения национального согласия в Ираке, укрепления его независимости, реализации права иракцев самостоятельно распоряжаться собственной судьбой и природными ресурсами»⁴⁹.

Относительная стабилизация внутривнутриполитической обстановки и усиление контроля иракского руководства над ситуацией в стране порождали в Багдаде желание обрести свободу действий и дистанцироваться от США. В этой связи там начало набирать силу стремление несколько сблизиться с Россией с тем, чтобы придать внешней политике Ирака более сбалансированный характер. В данном контексте знаковым событием стал визит в Москву в апреле 2009 г. Н. аль-Малики. В принятом по его итогам совместном коммюнике подчёркивалась, в частности, приверженность обеих стран новому мировому порядку, основанному на строгом соблюдении Устава ООН и принятых ею резолюций и общепризнанных принципах международной законности. Стороны условились наращивать сотрудничество в целях установления такого порядка. Россия подтвердила поддержку ею независимости, суверенитета и территориальной целостности Ирака⁵⁰.

Что касается торгово-экономических связей, то в 1997 г. «ЛУКОЙЛ» заключила с Министерством нефти

и газа Ирака соглашение о разработке месторождения нефти Западная Курна-2, доказанные запасы которого составляют 2 млрд. баррелей. Его реализация была, однако, отложена в связи с действовавшим тогда в отношении Ирака режимом международных санкций, а после вторжения в эту страну коалиционных войск соглашение было расторгнуто. Тем не менее, компания не отказалась от попыток вернуться в Ирак. Для этого она избрала тактику создания в отношениях с иракцами атмосферы, благоприятствующей возобновлению экономических связей. В 2004 г. «ЛУКОЙЛ» подписала с иракским Министерством нефти Меморандум о взаимопонимании и сотрудничестве, в соответствии с которым она поставила в Ирак строительную технику и автомобили скорой помощи. В учебных центрах и на предприятиях компании прошло стажировку несколько сотен иракских нефтяников. Её специалисты осуществляли обработку сейсмических данных и оценку нефтегазовых пластов, разрабатывали технологические схемы и конструировали геологические модели нескольких иракских месторождений.

В феврале 2008 г. министр финансов РФ А. Кудрин объявил о списании Россией 65% государственного долга (т.е. 12 млрд. долл.) в обмен на предоставление возможности осуществлять инвестиции в иракскую экономику. Активное участие в этих усилиях приняло Министерство иностранных дел РФ. «Мы, — подчеркнул С. В. Лавров, — работаем с иракским руководством, чтобы достигнутые ранее договорённости, тем более подписанные контракты, уважались»⁵¹. В 2008 г. Багдад посетили заместитель министра иностранных дел РФ А. В. Салтанов и президент «ЛУКОЙЛ» В. Аликперов. А. В. Салтанов передал Н. аль-Малики послание В. В. Путина, в котором подтверждалась готовность к развитию взаимовыгодных отношений с Ираком⁵². В результате была достигнута договорённость о создании иракцами совместной с «ЛУКОЙЛ» рабочей группы по актуализации контракта на Западную Курну и об участии «ЛУКОЙЛ Оверсиз» в будущих тендерах по новым проектам. В сентябре 2009 г. Багдад посетил министр энергетики России Н. Шматко, который вел переговоры с Н. аль-Малики о строительстве российскими компаниями двух газопроводов и о модернизации электростанций Юсефийя и Дибис⁵³.

Созданию климата, благоприятствующего восстановлению экономического сотрудничества с Ираком, способствовала и эволюция подходов Москвы к происходящему в этой стране. Избранная тактика принесла свои результаты. 12 декабря 2009 г. министр нефти Ирака Хусейн аш-Шахристиани объявил, что «ЛУКОЙЛ» выиграла контракт на разработку месторождения Западная Курна-2, которое будет осваиваться этой компанией совместно с её партнёром «Статойл». Компании предложили за каждый добытый баррель 1,15 долл. Предполагаемые объёмы добычи составят 1,8 млн. баррелей в сутки. «ЛУКОЙЛ» и «Статойл» победили в тендере

консорциум «Петронас», в который входят британская «Бритиш Петролеум», «Китайская национальная нефтяная корпорация» и французская «Тоталь».

Отдельной темой являются связи России с иракским Курдистаном. Москва подходит к данной проблеме осторожно, ограничившись на данный момент открытием Генерального консульства в Эрбиле, созданием при Торгово-промышленной палате Российско-курдского делового совета и началом передач на курдском языке на радиоканале «Голос России». В данном случае речь идет о мерах, не выходящими за рамки обычной практики отношений с теми или иными автономными образованиями в составе зарубежных государств. Подобная позиция представляется совершенно обоснованной, поскольку подъём уровня российско-курдских контактов мог бы быть крайне негативно воспринят иракцами, а также и турками, которые, скорее всего, усмотрели бы в этом поощрение у курдов сепаратистских настроений.

В целом, в непростой для Москвы ситуации, сложившейся после ввода МНС в Ирак, российская дипломатия действовала достаточно умело, тщательно просчитывая свои шаги, в том числе и по времени их осуществления. В результате удалось избежать как забегания вперёд, так и отставания от развития ситуации.

В дальнейшем события в Ираке могут, как представляется, развиваться по одному из трёх сценариев, каждый из которых не является для нас полностью благоприятным.

Первый из них — вывод американских войск, победа «Аль-Каиды» и превращение страны в новый «Исламский эмират Афганистан», то есть в государство, находящееся под контролем экстремистов и являющееся рассадником международного терроризма. Такой исход конфликта почти неизбежно повлечёт бы за собою вспышки джихада в целом ряде регионов, в том числе на Северном Кавказе. Подобный сценарий представляется, впрочем, маловероятным в условиях, когда перевес на поле боя всё более склоняется на сторону МНС и иракской армии.

Не исключён полностью и такой вариант, как попытка составляющих большинство населения страны шиитов навязать своё господство и установить в Ираке после ухода американцев республику хомейнистского образца. Подобная попытка почти неизбежно приведёт к серьёзной дестабилизации обстановки, возникновению угрозы раскола страны на три анклава и вмешательству в её дела соседних государств. Всё это негативно скажется на ситуации в регионе в целом и сыграет на руку действующим там террористическим группировкам.

В соответствии с третьим, и, видимо, наиболее реальным, сценарием американцам и иракскому правительству удастся в течение нескольких лет подавить сопротивление и добиться — пусть относительной, — нормализации обстановки. В стране укоренится «фасадная демократия», в рамках

которой будет произведён раздел власти и сфер влияния в экономике между различными этноконфессиональными группами. Это позволило бы Вашингтону объявить о победе. Не исключено, что почти неизбежное в таких случаях головокружение от успехов подтолкнёт американцев к выводу об эффективности политики превентивных войн, оправдываемых борьбой за освобождение народов от диктаторских режимов и установление демократии. Насколько далеко они могут в таком случае зайти, предугадать невозможно, но поневоле приходит на ум вопрос, было ли просто очередной нелепостью президента Дж. Буша его высказывание на саммите «Большой восьмёрки» в Санкт-Петербурге, что в России следует «внедрять такую же демократию, как в Ираке»⁵⁴? Так или иначе, следование американцами подобной линии приведёт к воцарению в мире закона джунглей.

С другой стороны, надо быть готовым к тому, что поражение террористов в Ираке повлечёт за собой их перебазирование в другие регионы, в том числе на Северный Кавказ.

Summary: Crises arising from time to time around Iraq had a negative influence on the situation in the Near and Middle East, brought difficulties to our country relationship with the USA and Western Europe, as well as with the states of the region and Iraq itself. In the course of the last crisis, when American troops have invaded Iraq, Russian diplomacy acted quite expertly, making thoroughly calculated steps without being ahead of times or falling behind the ramification. As a result Russia managed to set up good relations with the new Iraqi leadership and to secure its economic interests.

Ключевые слова

Ирак, Саддам Хусейн, США, кризис

Keywords

Iraq, Saddam Hussein, USA, crises

Примечания

1. Мелкумян Е. С. ССАГПЗ в глобальных и региональных процессах. М., 1999, с. 109.
2. The Middle East and North Africa. L., 1986, p. 155.
3. Ibidem.
4. Giritli I. Dimensions of the Gulf Crisis. Istanbul, 1992, p.2.
5. Белоногов А.М. На дипломатической авансцене. Записки Постоянного представителя СССР при ООН. М., 2009, с. 204–205.
6. Приводится по: Там же, с. 196–197.
7. Там же, с. 201.
8. Егорин А.З. Кризис в Персидском заливе и его влияние на ближневосточную обстановку (стенограмма лекции). М., 1990, с.22.
9. См.: Маю, 14.09.1990.
10. Подобная позиция была выработана при активном участии Министерства иностранных дел СССР. Встречающиеся в зарубежной и российской литературе утверждения, будто специалисты-ближневосточники выдвигали возражения против такого подхода и Э.А.Шеварнадзе пришлось даже «месяцами сражаться с арабистами своего Министерства» (Baker J. Politics of Diplomacy. N.Y., 1995, p. 15, 285, 310; Очерки истории Министерства иностранных дел России, т. II. М., 2002, с. 498–499), не соответствуют действительности. В своих мемуарах А.М.Белоногов, характеризуя подобные утверждения как «чушь несусветную», отмечает, что «между Шеварнадзе, мною как его заместителем, отвечающим за арабское направление, и сотрудниками Управления стран Ближнего Востока и Северной Африки МИДа, где трудились арабисты, не было расхождений в том, какая у Советская Союз должна быть политика по отношению к кувейтскому кризису и Багдаду как его виновнику» (Белоногов А.М. МИД. Кремль. Кувейтский кризис. М., 2001, с. 117–118). В свою очередь у автора, работавшего в то время в Постпредстве СССР при ООН и занимавшегося СБ, никогда не складывалось из контактов с УБВСА впечатления, будто там не одобряют проводившуюся на ирако-кувейтском направлении линию.
11. Правда, 03.08.1990.
12. Вестник МИД СССР, № 16, 1990, с. 16.
13. См.: Белоногов А.М. МИД. Кремль. Кувейтский кризис. М., 2001, с.36.
14. Вестник МИД СССР, № 16, 1990, с. 18.
15. Подробнее см.: Мелкумян Е.С. ССАГПЗ в глобальных и региональных процессах, с.111.
16. Вестник МИД СССР, № 19, 1990, с. 7.
17. Мелкумян Е.С. ССАГПЗ в глобальных и региональных процессах, с. 112.
18. Там же.
19. Примаков Е.М. Годы в большой политике. М., 1999, с. 308.
20. Giritli I. Dimensions of the Gulf Crisis, p.8–9.
21. Нафиа Ибрагим. Аль-Фитна аль-кубра. Асыфа Аль-Халидж. Аль-Кахира, 1992, с. 260.
22. Примечательно, что позже и сам Э. А. Шеварнадзе пришёл к выводу, что «поездки специальных эмиссаров в Багдад для уго-

- воров С.Хусейна объективно приносили вред, ибо они укрепляли в иракском руководстве иллюзию относительно каких-то вариантов, при которых Ирак мог, так или иначе, получить выгоду от своей агрессии» (Шеварнадзе Э. А. Мой выбор. В защиту демократии и свободы. М., 1991, с. 182).
23. Нафс аль-масдар, с. 261.
 24. В воспоминаниях советских дипломатов резолюция 678 оценивается неоднозначно. Так, по оценке Г. М. Корниенко, потребовалось всё дипломатическое искусство, чтоб «сделать резолюцию такой, которая, с одной стороны, служила бы серьёзным дополнительным средством давления на Ирак, а с другой — не канализировала бы все усилия в военную плоскость, не делала бы применение вооружённых сил неизбежным» (Корниенко Г. М. Холодная война. Свидетельство её участника. М., 1995, с. 271). В то же время А. Л. Адамишин считает, что «знаменитая резолюция № 678 фактически давала полный простор действий американцам... Это была, я думаю, очень серьёзная ошибка нашей дипломатии» (Очерки истории Министерства иностранных дел России, т. II, с. 500). С точки зрения автора, резолюция открывала путь как для применения силы, так и для выхода на политическое решение в случае, если бы Багдад изменил свою позицию. Её формулировки представляли максимум, которого возможно было добиться в сложившихся условиях. Нельзя не учитывать, что «ветирование» проекта не предотвратило бы удара американцев и их союзников по Ираку и при этом негативно сказалось бы на наших отношениях с США, Западной Европой и поддерживавшими Вашингтон ведущими арабскими странами и к тому же подорвало только-только наладившееся взаимодействие в рамках СБ и ООН в целом. К аналогичному результату привело бы и если бы мы воздержались при голосовании.
 25. Белоногов А. М. МИД. Кремль. Кувейтский кризис, с. 204.
 26. Сафрончук В. С. Дипломатическая история «Бури в пустыне». // Международная жизнь, № 11–12, 1996, с. 127.
 27. Горбачёв М. С. Жизнь и реформы, кн. 2. М., 1995, с. 244.
 28. Примаков Е. М. Годы в большой политике, с. 308–309.
 29. Нафия И. Аль-Фитна аль-кубра..., с. 255.
 30. Нафс ал-масдар, с. 266.
 31. Подробнее см.: Белоногов А. М. МИД. Кремль. Кувейтский кризис, с. 343–344.
 32. В результате непрерывных ударов с воздуха иракская армия лишилась 40% боевой мощи, оказалась уничтоженной система управления войсками, был подорван моральный дух солдат и офицеров. (См.: Нафия И. Аль-Фитна аль-кубра. Асыфа Аль-Халидж. Аль-Кахира, 1992, с. 284).
 33. Вестник МИД СССР, № 5, 1991, с. 15.
 34. Очерки истории Министерства иностранных дел России, т. II, с. 501.
 35. Там же.
 36. Там же.
 37. Там же.
 38. Нафия И. Аль-Фитна аль-кубра..., с. 258.
 39. Мелкумян Е. С. ССАГПЗ в глобальных и региональных процессах, с. 114.
 40. Примаков Е. М. Годы в большой политике, с. 330.
 41. По свидетельству арабских дипломатов, встречавшихся с С. Хусейном незадолго до американского вторжения, в его настрое преобладал фатализм, он заявлял в беседах с ними, что всё в руках бога, всё предопределено и сделать ничего невозможно.
 42. Интервью посла РФ в Тунисе А. Б. Подцероба журналу «Аль-Хакаик». // Аль-Хакаик, 26–30.06.2004, с. 11.
 43. См.: www.mid.ru, 15.01.2007.
 44. Там же, 17.06.2008.
 45. Аль-Хакаик, 26–30.06.2004, с. 11.
 46. Российская газета, 24.10.2008.
 47. http://news.xinhuanet.com/english/2009-04/11/content_11166598.htm
 48. Интервью А. В. Салтанова радиостанции «Голос России», 19.11.2009...
 49. Вести, 08.03.2010. — на: <http://www.rosbalt.ru/2010/03/08/718485.html>
 50. http://news.xinhuanet.com/english/2009-04/11/content_11166598.htm
 51. Возвращение. Западная Курна-2: Дубль «два». // Евразия, май 2008, с. 66.
 52. Там же.
 53. <http://fr.rian.ru/business/20090909/123038026.html>
 54. Там же, с. 306–307.